

что «ярчее молний *пролилось*» посреди спящего дома Державина, выражено путем струящегося образа «Одежда белая струилась / На ней серебряной волной» (1, 108)

Появление плывущего образа Екатерины, связано у поэта с таким же чувством вдохновения, с каким оно будет выражено через полстолетия у Пушкина в стихах «Я помню чудное мгновенье / Передо мной явилась ты»

и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ея черты
Мой Бог! мой Ангел во плоти!
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя < > (1, 108—109) 27

Надо отметить, что в «Видении Мурзы» присутствует и другая Екатерина, «нежная его Пленира», упомянутая в 39-м стихе, о которой он в 1778 г также писал, что она «как ангел хороша» (1, 36) Возможно, ему было неловко выразить порыв полувлюбленного вдохновения, возникшего при виде «ангела во плоти» поэтому он связал Плениру только с ночным образом «домашних», спящих под воздействием палевого луча луны

Кропя забвения росю
Моих домашних усыпляя
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал (1, 107)

При появлении императрицы, которое представлено на таком же уровне парадокса появления «дня среди ночи», как в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого Северного сияния» у Ломоносова, золотая луна, связанная со сферой сна Пленеры, «побледнев», скрывается и дает Державину вволю отдаться струящемуся «видению» Фелицы, на которой «сиял при персях пояс злат»

Женская природа императрицы нередко выражена Державиным и в более конкретных образах, зачастую связанных со сферой влаги. Не забывая секунд, когда он еще, «будучи рядовым, иногда удостоивался счастья быть жалованным к руке», т е целовал руку Екатерины, молодой поэт в ней видел не только императрицу, но и несомненно идеал женщины, как следует из первой оды Екатерине, описание кото-

27 Примечательно, что хотя у Пушкина прямая цитата о «гении чистой красоты» заимствована из более отвлеченного стихотворения Жуковского о вдохновении («Я музу юную бывало »), Пушкин все же пишет, выражаясь словами Державина, об «ангеле во плоти», «божественными чертами» которой (у Пушкина «небесными чертами») также «ненасыщенны» были его глаза, как и у Державина